

I.

Кто-то ѣхалъ верхомъ, и ѣхалъ, по-видимому, къ „клэму“, на которомъ работалъ Филь. Эвансъ Филь, выйдя изъ своего шалаша послѣ немудраго завтрака, заключавашагося въ полукоробкѣ прогорклыхъ сардинъ и краюхѣ черстваго хлѣба, да въ добромъ глоткѣ рома, чуткимъ ухомъ уловилъ звуки далекой монотонной пѣсни и топотъ лошадиныхъ копытъ.

Темная туча легла на смуглое лицо Филья: онъ подумалъ, что, вѣдь, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ возвращеніи этого дьявола, Джузеппе-Дель-Кампо.

— Этого проклятаго лодыря! Этой итальянской собаки! — пробормоталъ сквозъ зубы Филь Эвансъ.

Минуту спустя звуки пѣсни и топотъ лошадиныхъ копытъ смолкли, и это окончательно убѣдило Эванса въ томъ, что ѣдущій направляется именно къ его „клэму“: если бы это было не такъ, если бы ѣдущій избралъ путь дальше на сѣверъ, къ сосѣднимъ приискамъ, то его лошадь должна была карабкаться по каменистому гребню холма надъ Зумпфъ-крикомъ, и тогда топотъ слышался бы явственнѣе, чѣмъ по тропинкѣ.

Филь Эвансъ нырнулъ въ шалашъ и выскочилъ оттуда съ измятою мѣдною зрительною трубою, Богъ вѣсть когда и какимъ образомъ попавшею въ сердце Австраліи. Нѣсколько минутъ спустя въ поле зрѣнія трубы, въ изсѣра голубой свѣтлый кружокъ въ черной рамѣ стѣнокъ трубы, понала рѣзкая линия гребня пригорка, вырисовывающагося буро-желтымъ силуэтомъ на блѣдной лазури осенняго неба. Потомъ изъ-за куста какого-то ползучаго растенія, напоминавшаго Эвансу шотландскій верескъ, вдругъ вынырнула челоѣческая голова въ лихо заломленномъ на затылокъ темно-синемъ бере-

тѣ. Потомъ стала видна равномерню покачивающаяся голова гнѣдой лошади съ спутанною гривой. И, наконецъ, Филь Эвансъ до мельчайшихъ подробностей увидѣлъ всю фигуру всадника и его коня.

— Чортъ бы его взялъ! Это онъ... Не было печали!..

Всадникъ, въ свою очередь, уже различилъ фигуру золотоискателя, ударилъ по бокамъ лошади довольно безцеремонно крѣпкими каблуками высокихъ сапогъ, привсталъ на стременахъ, замахалъ высоко въ воздухъ шапкою и закричалъ пѣвучимъ баритономъ:—Эвива! Эвива!

Это было его обычное привѣтствіе при возвращеніяхъ къ „клэму“ послѣ какой-нибудь отлучки.

Лошадь рванулась и понеслась довольно неуклюжимъ курць-галопомъ по берегу „крика“—пересохшаго ручейка—потомъ перенесла своего всадника по пескамъ русла и стала взбираться на довольно покатый берегъ, на которомъ стоялъ въ выжидательной позѣ Эвансъ.

— Эвива,—Италія наша!

Эвива—родная страна.

Когда мы прогнали австрійцевъ
Свободною стала она...

—пѣлъ безпечный итальянецъ въ темпѣ воинственнаго марша.

— Нѣтъ въ мірѣ прекраснѣе края.

Италіи, римлянъ земли.

Прекраснѣе нѣтъ венецянокъ,

Храбрѣй молодцовъ флорентинцевъ!

Пѣсня оборвалась, итальянецъ уже добрался почти вплотную до „клэма“ и соскочилъ съ хребта утомленной лошади, бережно привязалъ поводъ къ засохшему стволу дерева, въ сторонѣ отъ шалаша Эванса и, обернувшись къ послѣднему, весело крикнулъ:

— Вотъ и я. Не ждали? Да еще не одинъ, а самъ другъ—съ добрымъ конемъ. А лошадка то, лошадка какова?

Великолѣпный экземпляр лошадиной породы, ужъ вы мнѣ въ этомъ повѣрите; мы, венеціанцы, съ дней древности прирожденные кавалеристы и знатоки лошадей.

— Я думалъ, во всей вашей Венеціи—три лошади съ половиною!—хмуро отозвался Филь Эвансъ,—двѣ бронзовыя, а—полторы мраморныхъ...

— Ха-ха-ха! —разсмѣялся чисто-сердечно итальянецъ, подходя къ Эвансу и протягивая ему смуглую крѣпкую руку привѣтливомъ жестомъ.

— Ха,-ха,-ха... А, вѣдь, рег Вассо, вы правы; двѣ бронзовыхъ и полторы мраморныхъ. А вы не принимаете во вниманіе, сколько у насъ гондолъ!

— При чемъ-же гондолы? Сколько я знаю, гондола—это лодка.

— Да, лодка. Но какая лодка, синьоръ? Она удивительно похожа на коня. Черная, прыкая, юркая, валкая, капризная. Настоящій конь, морская лошадь! А кто привыкъ управлять съ морскою лошадью, тотъ, повѣрите, безъ труда справится съ любымъ сухопутнымъ конемъ...

— Можеть быть. Не спорю!—опять хмуро отозвался Филь Эвансъ.

— Не спорьте, потому что проиграете... Но это все вздоръ. Важно то, что я опять у себя, дома. Важно, что я возвратился.

Друзья! Когда къ своимъ пенатамъ
Я возвращаюсь съ склоненною главою...

— Ну-съ, тамъ дальше поется, что друзья должны приготовить для усталого странника мягкое ложе, накрыть

столь бѣлоснѣжною скатертью, поставить серебряныя блюда, пѣсколько фьясокъ душистаго вина, изъ лозъ, выросшихъ на склонахъ Везувія или на террасахъ Сицили. И должны позвать пѣвцовъ и музыкантовъ...

— На двѣсти километровъ вокругъ ни одного пѣвца или музыканта не отыщешь.

— А меня-то вы забыли? Я развѣ въ счетъ не иду?... Дайте мнѣ хорошую венеціанскую гитару, или болонскую скрипку. Ого! Я вамъ спою лучше, чѣмъ любой гондольеръ поетъ на „каналь-гранде“ въ лунную ночь. А публика млѣетъ и лѣзетъ въ кошельки, доставая оттуда свои доллары, марки, рубли и какъ ихъ тамъ еще люди называютъ...

— Отчего же вы не остались въ Венеціи, если тамъ такъ легко зарабатываются горлодерствомъ деньги?

Итальянецъ секунду посмотрѣлъ на бронзовое грубое лицо Эванса, потомъ расхохотался, какъ безумный, хватаясь за бока.

— Какой вы шутникъ, синьоръ Эвансъ... У-ди-ви-тельный шутникъ! Я такихъ въ жизни еще не встрѣчалъ... Ха, ха, ха...

Американецъ посмотрѣлъ на жизнерадостнаго Джузеппе искоса и молча сплюнулъ. Когда пароксизмъ смѣха у итальянца утихъ, онъ заговорилъ съ Эвансомъ уже болѣе серьезнымъ тономъ.

— Итакъ, я возвратился... Правду сказать, думалъ не возвращаться во все—на Саль-риверѣ мнѣ таки повез-

ло... чертовски повезло, говоря по совѣсти...

— Нашли золото? Жилою? Или въ пескахъ?—оживился угрюмый Эвансъ.

— Не въ пескахъ, не въ кварцѣ, а въ карманахъ цѣлой партіи рудокоповъ. Оказались отчаянные игроки. Я въ жизни такихъ не видѣлъ. Даже неаполитанскіе ладзарони - и тѣ не способны такъ увлекаться игрою. И мнѣ повезло. Страшно повезло... Въ одну недѣлю я собралъ около трехсотъ фунтовъ. Почти все, что у нихъ было. И думалъ съ этими деньгами дернуть въ Аделаиду, взять билетъ перваго класса до Александріи на первомъ отходящемъ англійскомъ пароходѣ, а оттуда, вѣдь, рукою подать до Венеціи... И тамъ я зажилъ бы настоящимъ бариномъ!

— Но чѣмъ же кончилось?

— Кончилось? Фортуна — слѣпая синьора: она улыбулась мнѣ, потомъ стала улыбаться другимъ... И я въ три дня продулъ все, что раньше выигралъ... Осталось въ карманѣ нѣсколько измятыхъ банкнотокъ. Да и тѣ исчезли бы, если бы рудокопы не отправились дальше. Ну, и тогда я вспомнилъ о нашемъ съ вами контрактѣ...

— О нашемъ съ вами контрактѣ?— механически повторилъ американецъ.

— Да. И я рассчиталъ, что я успѣю добраться до Зумпфъ-крика за мѣсяцъ до истеченія срока... Ну, я купилъ за три фунта стерлинговъ этого Буцефала. Осѣдлалъ. Сѣлъ. Поѣхалъ. Жаль, что я забылъ купить шпоры, а то я прибылъ бы еще ни нѣсколько дней раньше... Но вы посмотрите внимательно на лошадь. Я горжусь, что мнѣ въ голову пришла великолѣпная идея купить ее.

— На что она сталась?

— Святой Маркъ! Да развѣ на приискѣ лошадь можетъ быть лишнею? Я уже составилъ планъ—приспособлю маленькій механизмъ для накачиванья воды. Знаете, по системѣ египетскаго колеса.

— А вода на что?

— Промывать нашъ золотоносный песокъ. Работа пойдетъ въ три раза быстрѣе, чѣмъ тогда, когда мы дѣлали ее своими руками. И мы будемъ зарабатывать въ три раза больше, чѣмъ зарабатывали вдвоемъ. И если намъ попадется песокъ съ большимъ содержаниемъ золота... Чортъ возьми! Я не я буду, если не вернусь когда-нибудь къ себѣ въ Венецію съ полными золотомъ карманами...

— Можетъ быть, можетъ быть!— криво усмѣхнулся Эвансъ. Только золото это будетъ изъ какихъ угодно песковъ, но не изъ песковъ Зумпфъ-крика.

— Это, что же значить?—нахмурился итальянецъ.—Можетъ быть, вы, синьоръ Эвансъ, хотите сказать, что не намѣрены допустить меня приняться за работу? Я напомию вамъ эти условія...

— Совершенно напрасно, я помню ихъ самъ. Вы уѣхали на три мѣсяца. Въ теченіе этого срока вы оставили за собою право возвратиться. Все, что я намою въ указанныхъ предѣлахъ нашего общаго участка за это время, составляетъ мою личную собственность.

— Совершенно вѣрно. И если бы вы намыли миллионы,—мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

— Да. Никакого дѣла. А со дня вашего прибытія, если вы вернетесь не позже трехъ мѣсяцевъ,—мы оба работаемъ изъ половишной доли. Или...

— Или что?

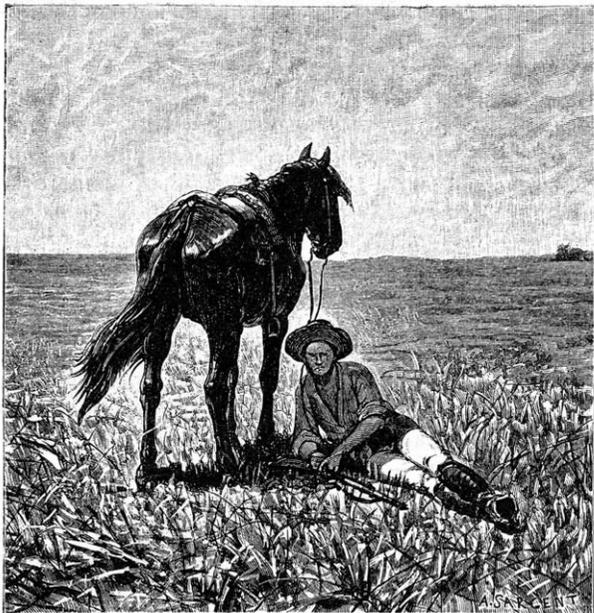
— Или я выхожу изъ товарищества, и „клэмъ“ поступаетъ въ полную вашу собственность.

— Дальше!

— А дальше то, что... Ну, словомъ, я уже полторы или двѣ недѣли не намываю одного золотника въ день!

— Быть не можетъ!

— Ну-съ, и если бы вы пожаловали не сегодня, а завтра, то вы уже не застали бы меня здѣсь, сэръ. Ибо я рѣшилъ бросить эту штуку... Да бросить. Потому что у меня нѣтъ никакой охоты возиться съ ерундою...

— Значить, золота больше нѣтъ?

— Не знаю, что это можетъ значить по вашему. По моему—игра не стоитъ свѣчь.

— Но, быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ этой же долинки...

— Вы хотите сказать, что, быть можетъ, истощилось золото на участкахъ, гдѣ вы его открыли раньше, чѣмъ вошли въ компанію со мною? Ну, такъ, вотъ, посмотрите... Я пробилъ еще около пятнадцати шурфовъ... Отвалы видите?

— И ничего?

— Нигдѣ—ничего.

Итальянецъ тяжело вздохнулъ, крикнулъ.

— Я слышалъ,—сказалъ онъ,—что километровъ двѣсти отсюда ребята—кое-какъ пробиваются: золото есть и порядочное... Знаете на земляхъ фермы Боба Роулинсона, гдѣ когда-то проклятые негры зарѣзали бѣлую женщину...

— Знаю. Такъ что же?

— Ну, такъ я думаю, знаете,—по-сунуться туда...

— Счастливаго пути.

— А вы?

— Я? Я... возвращусь къ Руберроидъ-блокгаузу!.. Миѣ здѣсь тоже дѣлать нечего...

Помолчали.

Итальянецъ — опять посвисталъ, пошелъ къ коню, погладилъ его потныя бока, принесъ въ жестянкѣ воды изъ сосѣдняго болотца и напоилъ своего „Буцефала“.

II.

Эвансъ этотъ день не работалъ. Онъ задумчиво сидѣлъ у маленькаго костра, на которомъ кипятилъ воду для кофе, варилъ супъ изъ остатковъ консервовъ. Потомъ занялся починкою изветшавшей расплывающейся шерстяной рубахи, притащилъ къ костру походный ранецъ и занялся и его починкою. Словомъ, — онъ дѣлалъ

работу, которая ясно показывала, что— онъ собирается векинуть котомку на плечи и вновь пуститься вновь въ поиски счастья.

Итальянецъ, покормивъ лошадь, пустилъ ее гулять по мѣстами изрытой лужайкѣ, съ чахлой растительностью на короткомъ арканѣ, чтобы она не забрела въ топкое болотце, а самъ завалился спать.

Вечеромъ онъ опять приступилъ къ разговорамъ съ Эвансомъ.

— Вы увѣрены, синьоръ,—сказалъ онъ компаньону,—что здѣсь больше золота не найдешь ни крупинки?

Американецъ только пожалъ плечами.

— Но, можетъ быть, если порыться еще...

— Глупости! Вы къ чему ведете?

— Къ тому, что... Знаете, говоря по совѣсти, миѣ по зарѣзъ нужно фунтовъ десять, двѣнадцать... По зарѣзъ! Я оставилъ километрахъ въ десяти отсюда, у одного пастуха, своего больного земляка. Положимъ, не изъ Венеціи, а изъ Генуи... Когда - то венеціанцы и генуэзцы, были злѣйшими врагами... Но теперь, вѣдь, мы дѣти одной матери, дѣти объединенной Ита-

ли... И грызться намъ рѣшительно не изъ-за чего. ..

— Дѣло ваше. Америка поставила за правило—никогда не вмѣшиваться въ дѣла мелкихъ государствъ старухи Европы!..

Итальянецъ, котораго оскорбило то, что Эвансъ назвалъ Италію „мелкимъ государствомъ“, всыхнулъ, но сдержался.

— Ну, ладно! — сказалъ онъ.—Не въ этомъ, вѣдь, суть... Но, словомъ, я ѣхалъ сюда съ твердымъ намѣреніемъ... Знаете, съ какимъ?

— Скажите, буду знать...

— Я почему-то думалъ, что у васъ тутъ дѣла должны итти прекрасно, что вы намываете золотниковъ до десяти въ день...

— Глуposti!—вздрыгнулъ Эвансъ и осмотрѣлся подозрительно вокругъ.

— Конечно, глуposti. Теперь вижу самъ... Но я думалъ, все-таки, что вы въ этомъ случаѣ были бы рады выйти изъ товарищества и пріобрѣсти весь этотъ „клѣмъ“ въ полную собственность. За сумму, скажемъ, въ тридцать пять, сорокъ фунтовъ стерлинговъ...

— Сорокъ фунтовъ? За истощенный пріискъ?

— Ну, скажемъ, за тридцать... Суть въ томъ, что я рѣшилъ, если игра того стоитъ, попытать еще счастья у ребятъ Роулинсонъ-фермы.

— Для этого большихъ денегъ не нужно. Доберетесь съ парюю фунтовъ стерлинговъ...

— Разумѣется, доберусь, если поѣду въ одиночку... Но я подобралъ по пути одного соотечественника... И онъ совсѣмъ расхворался: ревматизмъ. Итти не можетъ. А онъ чудесный парень. На всѣ руки. Поеть—великолѣбно. Даже лучше, чѣмъ я...

Эвансъ саркастически усмѣхнулся.

Не замѣчая этой усмѣшки компаньона, итальянецъ задумчиво продолжалъ:

— У пастуха... Онъ—нѣмецъ. Но не изъ проклятой Австріи, грабившей бѣдную Италію, а изъ нѣмецкой Гер-

маніи. Знаете, тамъ есть король Гуильельмо.

— Императоръ Вильгельмъ?

— Ну, да, Вильгельмо. У нѣмца есть пара воловъ и хороший фургонъ. Онъ всю эту исторію комплектомъ продаетъ за двадцать фунтовъ стерлинговъ. И, вотъ, я думалъ,—положу больного товарища въ фургонъ, припрягу къ дышлу моего Буцефала, и мы поѣдемъ. На Роулинсонъ-фермѣ работаетъ, говорятъ, одинъ докторъ... Пьяница, но чудесно знаетъ свое дѣло. Если одинъ залотоискатель сдѣлаетъ револьверную пулею дырку въ тѣлѣ другого,—не потрафивъ въ сердце или въ желудокъ,—то этотъ докторъ отлично заштопаетъ дырку. И молодецъ опять можетъ ковырять лопатою землю.

— Стопъ!—оборвалъ многоглаголивого итальянца Эвансъ.—Стопъ, сэръ. Резюмируйте. Вы хотите сами выйти изъ товарищества, насколько я понимаю, до истеченія условленного срока почти за четыре недѣли? И согласны всѣ свои права уступить мнѣ за извѣстную сумму?

— Не меньше двадцати пяти фунтовъ стерлинговъ.

— Ладно! Но... по съ моей стороны было бы почти безуміемъ воспользоваться вашимъ предложеніемъ.

— Потому что золото истощилось? Но вы, быть можетъ, рискнете. Подумайте, синьоръ Эвансъ. Вѣдь, можетъ же случиться, что если вы пробете еще парочку шурфовъ,—то вдругъ опять наткнетесь на песокъ, богатый содержаніемъ золота... Вы вспомните: вѣдь, первое время мы съ вами изъ тонны песку намывали до десяти золотниковъ... И какъ намывали? На простыхъ сковородкахъ... Тамъ было вѣрныхъ золотниковъ двѣнадцать...

Помолчали опять.

— Слушайте, синьоръ! — сказалъ итальянецъ. Дайте всего двадцать два фунта стерлинговъ и владѣйте клѣмомъ!

Эвансъ задумался. Огонь костра бросалъ яркіе блики на его бронзовое обвѣтрившееся скуластое лицо, на его безпорядочно сбившуюся, давно не

бритую бороду. По временамъ какіе-то огоньки вспыхивали въ его глазахъ; крѣпко сжатія тонкія губы шевелились и что-то бормотали.

— Дайте только двадцать фунтовъ стерлинговъ. Я какъ-нибудь доведу Джіованни до фермы. А васъ награждать самъ Господь за доброе дѣло.

— Я не обязанъ дѣлать добрыя дѣла. Я—золотоискатель.

Опять помолчали. И потомъ Эвансъ поднялся съ какимъ-то тяжелымъ вздохомъ, ушелъ въ шалашъ, зажечь тамъ свѣчу, рылся въ какихъ-то тряпкахъ и черезъ минуту сѣлъ у костра. Въ его рукахъ были деньги.

Это было и серебро, и мѣдь, и нѣсколько банкнотовъ.

Отсчитавъ двадцать фунтовъ стерлинговъ, онъ было протянулъ ихъ Джузеппе, потомъ опять зажалъ въ кулакъ, опять сталъ пересчитывать. И, наконецъ, передалъ ихъ съ тяжкимъ вздохомъ компаньону, говоря:

— Ну ладно. Попытаюсь еще... Вы подбили меня. Конечно, по пустому: деньги выброшены на вѣтеръ. Но куда ни шло! Вы—игрокъ, и я становлюсь такимъ же игрокомъ: покупаю никуда не нужный „клемъ“ за безумно высокую цѣну! Пишите расписку. Вотъ бумага, пишите. Что? Пишите, что вы деньги получили, что съ этого момента участокъ—моя полная собственность. Что вы не предъявите никакихъ претензій, если мнѣ удастся найти золото. Такъ. Теперь подписывайтесь. Только не по итальянски, пожалуйста. Подписывайтесь по англійски. На культурномъ языкѣ...

Джузеппе исполнилъ и это требованье и подписался, лихо расчеркнувшись какими-то завитушками, которыя въ общемъ образовали рисунокъ летящаго лебедя, и засмѣялся жизнерадостнымъ, беззаботнымъ смѣхомъ.

— Поздравляю съ покупкою!—сказалъ онъ.—Хорошо было бы, синьоръ Эвансъ, бутылочку вина распить!

— Обойдетесь и безъ вина. Мнѣ хочется спать. Вы не уѣзжаете сейчасъ?

— Поѣду завтра утромъ. Лошадь устала...

Эванса, повидимому, мало радовала перспектива провести ночь вблизи своего стараго компаньона. Онъ нахмурился, но выпроводить Дель-Кампо ночью, да еще безъ всякихъ основаній—не въ обычаяхъ золотоискателей...

И, поворчавъ что-то, Эвансъ залилъ костеръ, чтобы поднимающійся передъ разсвѣтомъ вѣтерокъ не занесъ огня куда-нибудь и не надѣлалъ бѣды степнымъ пожаромъ; затѣмъ онъ улегся въ шалашѣ, предоставивъ итальянцу спать, гдѣ ему будетъ угодно.

III.

Раннымъ утромъ бывшіе компаньоны позавтракали, и Дель-Кампо началъ собираться въ путь. Онъ отвязалъ отдохнушаго и повеселѣвшаго коня, осѣдлалъ его, навьючилъ. Въ это время изъ шалаша выпшелъ Эвансъ, заложивъ руки въ карманы и хмуро глядя куда-то въ даль.

Итальянецъ, ведя лошадь за поводъ, подошелъ къ товарищу со словами прощальнаго привѣта. И когда онъ стоялъ отъ американца уже въ пяти шагахъ, внезапно вспорхнувшій изъ сосѣдняго куста дроздъ—пересмѣшникъ закричалъ пронзительнымъ голосомъ.

Лошадь мотнула головою, вырвала поводъ изъ рукъ Джузеппе и шарханулась въ сторону.

— Держите, держите проклятую скотину!—закричалъ сердито Эвансъ. Но его крикъ еще больше испугалъ животное, и Буцефалъ понесся, звонко стуча копытами, съ тревожнымъ ржаньемъ внизъ, на русло ручья, потомъ рванулся въ сторону, къ какому-то маленькому холмику.

Итальянецъ, тяжело ступая въ огромныхъ сапогахъ, побѣжалъ слѣдомъ за нимъ.

Эвансъ сначала не двигался съ мѣста. Потомъ его словно змѣя ужалила, и онъ закричалъ.

— Проклятый человѣкъ... Не смѣйте ходить туда!

— Надо же поймать лошадь!—отвѣтилъ удивленный Джузеппе, не останавливаясь.

— Не смѣйте!—закричалъ неистовымъ голосомъ Эвансъ и побѣждалъ слѣдомъ за Дель-Кампо. И когда онъ, запыхався, уже нагонялъ своего бывшаго компаньона,—это было въ десяти шагахъ отъ каменистаго холмика, основаніе котораго сидѣло глубоко въ желтоватомъ рѣчномъ пескѣ,—Джузеппе остановился, какъ вкопанный, и впился горящими глазами въ что-то. Потомъ онъ обернулся и сдавленнымъ голосомъ сказалъ, Эвансу:

— Вы нашли въ кварцѣ жильное золото, Эвансъ?

— Молчите... Не смѣйте говорить!..

Лукайка граничила съ маленькимъ болотцемъ.

— Вы нашли богатую жилу, Эвансъ!—уже угрожающимъ голосомъ сказалъ опять итальянецъ, еще больше блѣднѣя.

— Не ваше дѣло, что я нашелъ!—закричалъ опять Эвансъ.—Что я нашелъ—то мое...

— Да. Что вы намыли, что вы добыли до моего возвращенія—ваше. Я—честный человекъ, и я свято держу слово... Но съ тѣхъ поръ, какъ я возвратился, золото не ваше, а наше. Половина—ваша. Другая моя.

— Весь участокъ мой! Вы отказались отъ него.

— Ложь! Ложь!

— Вотъ росписка.

— Да. Но вы обманули меня! Вы сказали, что сами бросаете работу. А вы не бросили бы ее, потому что каждый день берете по фунту золота! Я видѣлъ такія жилы, я знаю...

— Я не отдамъ. Не отдамъ!.. Все мое!—шипѣлъ Эвансъ.

— Нѣтъ, вы отдадите. Шерифъ...

— Ха, ха! Шерифовъ здѣсь нѣтъ...

— Тогда я обращусь въ сосѣдній лагерь золотоискателей. Пусть они разсудятъ...

И итальянецъ тронулся по направленію къ лошади, теперь уже мирно остановившейся въ нѣсколькихъ шагахъ. Но раньше, чѣмъ онъ сдѣлалъ три, четыре шага, рука Эванса, которую онъ держалъ за пазуху, вдругъ вытянула что-то черное. Изъ этого чернаго взвился голубовато сѣрый дымокъ. Пророкоталъ и замеръ выстрѣлъ,—Дель-Кампо упалъ навзничь, словно споткнувшись, и его руки стали рыть судорожно искривленными пальцами песокъ...

Его „Буцефаль“, испуганный выстрѣломъ, опять шарахнулся и понесся, звонко стуча копытами и тревожно пофыркивая, внизъ съ откоса на русло ручья.

Эванс съ „браунингомъ“ въ рукѣ, постоялъ нѣсколько секундъ неподвижно надъ трупомъ убитаго компаньона.

— Ты самъ хотѣлъ этого!—бормоталъ американецъ поблѣввшими губами.—Ты хотѣлъ жать тамъ, гдѣ не сѣялъ. Зарабатывать, гдѣ не работалъ... Ты хотѣлъ отнять мой кусокъ у меня... И ты получилъ заслуженное...

Постоявъ еще нѣсколько мгновений, Эванс отошелъ въ сторону и вдругъ почувствовалъ, что его ноги не служатъ ему. Онъ присѣлъ. Онъ пытался смотрѣть въ сторону, но что-то непобѣдимо властное заставляло его смотрѣть, не отрываясь, на трупъ убитаго Дель-Кампо.

Мысли беспорядочнымъ вихремъ неслись въ его одурманенной всѣмъ случившимся головѣ.

Трупъ—трупъ не кенгуру, не динго, не лошади... Даже не трупъ стоящаго виѣ законовъ какого-нибудь чернаго. Трупъ золотискателя... И при томъ съ роковою раною: пуля попала въ спину ниже лѣвой лопатки. Въ него стрѣляли сзади—дѣло ясно...

„Если кто-нибудь узнаетъ... Законъ Линча... Убьютъ!—пронеслось въ уставомъ мозгу Эванса.—Надо... во что бы то ни стало надо трупъ скрыть. Сейчасъ же, немедленно скрыть... Зарыть въ землю“.

Эванс оглядѣлся безпомощно. Ему казалось, что звукъ предательскаго выстрѣла кто-нибудь слышалъ, что позорное дѣло уже извѣстно людямъ. Сейчасъ появятся ихъ фигуры... Толпа. Одинъ будетъ держать въ рукахъ веревку...

Зубы Эванса застучали, какъ при пароксизмѣ злой лихорадки. Онъ тяжело, сгорбившись, поднялся со своего мѣста и оглядѣлся вокругъ.

Все было тихо. Лошадь убитаго опять успокоилась и паслась на лужайкѣ. И при взглядѣ на нее въ головѣ Эванса мелькнула новая мысль: лужайка граничитъ съ „Чортовою дырою“. Такъ покойный когда-то окрестилъ маленькое болотцо съ зыбучимъ дномъ и въ первые дни совмѣстной работы съ Эвансомъ настойчиво говорилъ, что надо бе-

речься ступать въ воду болота дальше крошечнаго островка, чернѣвшагося метрахъ въ трехъ отъ берега.

— Туда одинъ динго забѣжалъ!—разсказывалъ итальянецъ.—И его взяли черти.

Эванс направился къ трупу убитаго, взявъ его за ноги и поволокъ къ берегу болота. На берегу онъ присѣлъ, оглядѣлся. Потомъ онъ взялъ нѣсколько камней изъ валявшихся поблизости и набилъ ими карманы убитаго.

Засовывая камни въ карманъ брюкъ, онъ слышалъ, какъ тамъ шелестѣла бумага и бреччали деньги. Это были двадцать фунтовъ, полученныхъ за „клямъ“. Эванс оставилъ ихъ тамъ, въ карманѣ: онъ низачто не могъ бы прикоснуться къ этимъ деньгамъ.

— Это—твое. Да, это твоё. И ты это бери съ собою. Я только своего не хотѣлъ отдать... Да, своего!—бормоталъ онъ.

Когда набиваніе кармановъ пескомъ и камнями было кончено, Эванс поднялъ трупъ и, неся его, ступилъ въ воду болотца.

Пройдя шага два, онъ бросилъ трупъ. И тотъ потонулъ. Но когда Эванс выбрался на берегъ, онъ оглянулся и съ его блѣдныхъ губъ сорвалось проклятье: трупъ лежалъ такъ близко отъ берега и такъ неглубоко, что одна рука Дель-Кампо высунулась изъ воды и, казалось, грозила кому-то судорожно искривленными пальцами...

Эванс опять сошелъ въ воду и сталъ толкать трупъ къ центру болота. Но что-то мѣшало: словно Джузеппе и мертвый не хотѣлъ исчезнуть въ нѣдрахъ болота и цѣплялся за водоросли...

Грубымъ толчкомъ Эвансу удалось, наконецъ, продвинуть трупъ дальше, на глубокое мѣсто, гдѣ самому Эвансу илистая вода доходила почти до пояса. И трупъ затонулъ. Убѣдившись, что дѣло кончено, Эванс тронулся къ берегу. Но... и ему съ величайшимъ трудомъ удалось поднять только одну ногу: словно Дель-Кампо тамъ, на днѣ, схватилъ обѣ ноги американца. И держалъ ихъ, и тянулъ все внизъ, и внизъ...

А когда правая нога была свободна, лѣвая вдругъ пошла внизъ, внизъ, и вода дошла до груди Эванса. Эвансъ закричалъ и опустилъ правую ногу, пытаясь поставить ее поближе къ берегу и найти для нея точку опоры.

Но этой точки опоры не было: нога грузла въ трясинѣ, и черезъ секунду вода болота достигла до плечъ Эванса, и онъ опять закричалъ силнымъ голо-сомъ, въ которомъ слышалось безуміе:

— Пусти же. Слышишь? Пусти... Проклятый, проклятый итальянецъ... Ну?

И потомъ протяжный тоскливый звукъ „у-у-у“ пронесся надъ болотцемъ, надъ русломъ пересохшаго ручья — и ему отвѣтило только тревожное ржанье шарахнувшася въ сторону коня Джузеппе. А когда конь выскакалъ на берегъ и пугливо оглянулся назадъ огневими глазами, прядя ушами,—онъ видѣлъ еще, какъ изъ болота на секунду высунулась человѣческая рука и потомъ исчезла. И тамъ, гдѣ она исчезла, пошли слабые круги...

IV.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя партія золотоискателей-развѣдчиковъ набрела на заброшенный приискъ на берегахъ Зумпфъ-крика. Инженеръ, руководившій работами партіи, тщательно осматривалъ нѣсколько дней окрестности, лазилъ въ пробитые прежними владѣльцами шурфы, и, наконецъ, обратился къ секретарю партіи со словами:

— Вы можете сегодня же написать въ докладъ комитету компаніи, что мы приступаемъ къ работамъ по добыванію золота найденной жилы. Странно одно: кто-то разрабатывалъ ее, разрабатывалъ успѣшно, и бросилъ — загадочная исторія. Но это не наше дѣло. Завтра же приступаемъ. И въ первую голову я считаю необходимымъ осушить вонъ то маленькое болотце... Видите? Съ него и начнемъ.

Когда сдѣланы были первыя осто-

рожныя попытки ступить на зыбучую почву болотца, въ илѣ были отысканы два человѣческихъ трупа. Одинъ лежалъ, покрытый иломъ, какъ саваномъ. Въ его карманахъ нашли наложенныя туда явно намѣренно камни и песокъ, а на спинѣ — зияющую рану. На другомъ трупѣ, который былъ погруженъ въ илѣ вертикально, — никакихъ ранъ найдено не было.

Всю ночь инженеръ рылся въ мусорѣ, валявшемся вокругъ и на утро сказалъ секретарю:

— Мы съ докторомъ разбираемся съ бумагами, письмами, дневниками и прочимъ хламомъ, оставленнымъ бывшими обитателями этого прииска. Много интереснаго. Вотъ, я при помощи фотографии возстановилъ текстъ росписки. Она найдена въ карманѣ того, высокаго. Если мои выводы правильны, то въ землѣ шалаша или около него должно быть зарыто порядочное количество уже промытаго золота. Стоитъ поискать!

На другой день въ углу полуразрушеннаго шалаша рабочіе дѣйствительно нашли больше полудюжины бутылокъ толстѣйшаго зеленоватого стекла, наполненныхъ золотымъ пескомъ и мелкими самородками жильнаго золота.

По опредѣленію правительственнаго оцѣнщика, этого золота оказалось тысячь на пять съ половиною фунтовъ стерлинговъ.

Австралійское правительство рѣшило, что золото должно быть раздѣлено на доли и выдано наслѣдникамъ Эванса и Дель-Кампо.

Первыхъ не отыскалось, и соотвѣтствующая сумма до сихъ поръ, кажется, лежитъ въ депозитахъ Сиднейскаго банка. Вторые, то есть, наслѣдники Дель-Кампо, нашлись — это былъ двоюродный племянникъ Джузеппе, бравый гондольеръ

Венеціи, никогда, конечно, и не помышлявшій о такомъ огромномъ кушѣ, какой недавно-негаданно ему прислали изъ Австраліи.

